

Полякова Анна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
anna-polyakova2008@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ПРИНЦИПЫ И ГРАНИЦЫ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СПБГУ, 21–22 АПРЕЛЯ 2016 г.)

В конце апреля 2016 г. на кафедре истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета состоялся международный семинар, посвященный теоретическим и практическим аспектам интертекстуального анализа, а также дальнейшим его перспективам. Инициаторами мероприятия стали участники исследования семинара «Интертекстуальный анализ: принципы и границы», действующего под руководством А. Д. Степанова и Ф. Н. Двинятина. На семинаре прозвучали доклады, посвященные перспективам интермедийных исследований (Л. Д. Бугаева, О. Славина), вопросам историко-литературного и реального комментария (Н. Ю. Грякалова), поиску параллельных мест, стиховедческой стороне интертекстуальных исследований (С. И. Монахов), проблемам взаимодействия разных родов литературы (Ю. В. Доманский), литературы и философии (Б. В. Аверин, Б. М. Гаспаров), связям текста и литературной/поэтической традиции (Е. М. Матвеев, А. И. Жеребин). Дать подробный обзор всех выступлений в данном отчете невозможно, поэтому наметим только несколько доминант.

В преамбуле, заранее разосланной будущим участникам семинара, был представлен ряд вопросов, которые должны были осветить докладчики в своих сообщениях: «Где проходит граница между верифицируемой цитатой и “вчитыванием” одного текста в другой, “несомненным источником” и “возможной, но необязательной параллелью”? Какие функции скрытых цитат и реминисценций следует считать наиболее важными для интертекстуального анализа? Каково современное состояние и перспективы так называемого “мифопоэтического” анализа? Следует ли сохранить расплывчатое понятие “интертекст” или нужно заменить его рядом более конкретных терминов? Можно ли говорить о “топике” и “топосах” в постриторическую эпоху? Каковы перспективы исследований “топосов Нового времени”? Существуют ли “аксиомы” интертекстуального анализа, которые разделяют ученые самых разных школ и направлений?»

Нетрудно заметить, что перечисленные теоретические вопросы носят самый общий характер и очевидным образом претендуют на ответы, которые были бы справедливы для любого текста любой эпохи. Это неслучайно: одной из задач упомянутого выше кафедрального семинара является выявление общих механизмов взаимодействия текстов и описание универсальных маркеров и критериев интертекстуальности. Нужно отметить, что некоторые участники семинара действительно попытались представить разного рода теоретические обобщения. Так, Р. Ходель (Университет Гамбурга), выступивший с докладом «“Опосредованная интертекстуальность”? (А. Платонов и упрек в “каратаевщине)», предложил в качестве маркера интертекстуальности рассматривать читательскую реакцию: «вчитывание» наивным реципиентом той или иной аллюзии или реминисценции может служить своеобразным сигналом, на который в дальнейшем должен обратить внимание исследователь. К проблеме критериев интертекстуальности обратился и А. Д. Степанов (СПбГУ). На примере рассказов Баранцевича «Котел» и Чехова «Супруга» докладчик показал, что на наличие интертерекстуальных связей может указывать совпадение актантной структуры субъект-предикат-объект, которое может дополняться совпадениями на уровне обстоятельства места, времени и образа действия.

С точки зрения И. Н. Сухих (СПбГУ), прочитавшего доклад «О границах интертекстуальности (на примере Чехова)», в роли такого критерия может выступить значимость аллюзии для понимания и интерпретации текста. Уточненная классификация межтекстуальных связей была предложена В. М. Паперным (Университет Хайфы) в сообщении, посвященном проблеме различения адресованной и неадресованной интертекстуальности в творчестве Л. Толстого. Г. А. Левинтон (Европейский университет, Санкт-Петербург) обратился к истории «интертекстуальных» исследований в 1960–1970-е гг.; кроме того, ученым был уточнен ряд ключевых терминов («подтекст», «цитата», «заимствование»).

Но стремление организаторов конференции и ряда участников к теоретическим обобщениям не могло не спровоцировать традиционную литературоведческую полемику между «историками» и «теоретиками». Предметом научного спора стал вопрос о самой возможности подобного рода универсальных описаний. Так, по мнению П. Е. Бухаркина (СПбГУ), открывшего первое пленарное заседание конференции и выступившего с докладом «Интертекстуальность и риторическая словесность», не существует общих для любой эпохи механизмов межтекстового взаимодействия. Принципы и границы интертекстуальности так же исторически изменчивы, как и само понятие литературы — и для текстов эпохи «готового слова» (в частности, для словесности XVIII в., на материале которой основано сообщение) применимо только понятие «топики». Подобных взглядов на природу межтекстуальных связей, характерных уже для литературы первой трети XIX в., придерживались М. Н. Виролайнен (ИРЛИ РАН — СПбГУ), Е. В. Кардаш (ИРЛИ РАН), А. А. Карпов (СПбГУ). Как было показано учеными на самых разных примерах — от описания поэтической «географии» лирики Золотого века до поиска источников произведений Пушкина и В. Ф. Одоевского, — по отношению к текстам указанного периода уместнее говорить о взаимодействии текста с литературной традицией, при котором претекст не исчерпывается конкретным произведением. Специфичность механизмов межтекстуального взаимодействия для эпохи Серебряного века была продемонстрирована С. Д. Титаренко (СПбГУ) в докладе «Интертекстуальность vs. интермедийность в поэтике символистов: стратегии репрезентации».

Между тем на семинаре прозвучали и доклады, авторы которых пытались пройти между Сциллой истории и Харибдой теории литературы. Так, Ф. Н. Двинятин (СПбГУ) предложил описать все разнообразие межтекстуальных связей с помощью трех концентрических кругов «поэтическая традиция» — «топика» — «интертекстуальность». Как подчеркивает ученый, названные разновидности межтекстуального взаимодействия актуальны для текста любой эпохи, но в то же время исторически изменчиво преобладание той или иной формы и ее функционирование в тексте. Жизнеспособность этого наблюдения была показана теми участниками конференции, доклады которых были в той или иной степени посвящены генетическому аспекту интертекстуальности и «жизни» топоса или цитаты (в расширительном смысле) в текстах разных эпох. Семантические трансформации романтических формул и образов были проанализированы в докладах Е. А. Филонова (СПбГУ), Е. Д. Толстой (Еврейский университет, Иерусалим), отчасти М. Вайскопфа (Еврейский университет, Иерусалим) и И. Э. Васильевой (СПбГУ). Описанию семантических и функциональных изменений отдельных образов и мотивов древнерусской книжности в литературе Нового времени были посвящены сообщения М. В. Рождественской (СПбГУ), Н. С. Демковой (СПбГУ) и А. М. Грачевой (ИРЛИ РАН). Генетический подход в изучении интертекстуальных связей оказался продуктивен и для стиховедческих штудий, что было убедительно продемонстрировано в выступлениях Ю. Б. Орлицкого (РГУ) и Р. Л. Шмараква (НИУ ВШЭ, СПб).

Подводя итоги конференции, некоторые участники высказали неутешительную мысль о том, что интертекстуальные исследования зашли в тупик, выход из которого вряд ли возможен, и ученым остается только хождение по замкнутому кругу, игра словами и бесконечный поиск параллельных мест. Но многим присутствующим, включая автора этого обзора, финал конференции показался открытым. С одной стороны, вопросы, заданные участниками, пока еще не получили убедительного ответа; с другой — были обозначены новые перспективы. Од-

ной из такой проблем, — безусловно, не единственной — может стать необходимость включения «архива» параллельных мест во временную перспективу и создание своего рода исторической поэтики интертекстуальности, которая бы описывала изменчивость разных форм межтекстуальных взаимодействий. Безусловно, в эпоху отказа от «больших нарративов» и любых позитивистских построений подобный проект может показаться несовременным и утопичным (впрочем, есть и те, кому несколько устаревшим кажется и сам интертекстуальный анализ). Однако нельзя гарантировать того, что в будущем литературоведение не посчитает необходимым ответить на неразрешенные вопросы с новых позиций.

Для цитирования: Полякова А. А. Международный научный семинар «Интертекстуальный анализ: принципы и границы» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 21–22 апреля 2016 г.) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 289–291. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.213.

For citation: Polyakova A. A. International Research Seminar “Intertextual Analysis: Principles and Borders (St. Petersburg, SPbSU, April 21–22, 2016). *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 289–291. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.213.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2016 г.
Статья рекомендована в печать 13 октября 2016 г.